

На правах рукописи

СЛЕПЦОВ Евгений Петрович

**ЯКУТСКИЙ ШАМАНИЗМ В КОНТЕКСТЕ АРХАИЧНЫХ
СИМВОЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ: МИФОЛОГИЯ И РИТУАЛ**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2009

Работа выполнена на кафедре всемирной истории и этнологии исторического факультета ГОУ ВПО «Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Гоголев Анатолий Игнатьевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
старший научный сотрудник
Кулемзин Владислав Михайлович

кандидат исторических наук, доцент
Николаева Дарима Анатольевна

Ведущая организация: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Защита состоится 13 ноября 2009 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.18 при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан «06» октября 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

С.А. Некрылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность проблемы. Изучение специфики средств знаковой коммуникации в традиционных культурах является одним из приоритетных направлений этнографической науки. В рамках устной традиции основными средствами знаковой коммуникации выступают миф и ритуал, которые стимулируют процесс решения актуальных проблем. Якутский шаманизм являлся своеобразным обобщением обрядовых традиций якутского общества и представлял собой оптимизированную форму применения ритуалов и мифологии. Данную систему можно рассматривать как константный фонд духовных ценностей якутского народа, и в силу этого ее изучение представляется актуальным и практически значимым. Несомненную актуальность имеет также определение специфики практического применения символических средств регулирования социального поведения в якутском обществе. Обращение к шаманской тематике злободневно и с точки зрения активного функционирования традиционных символов в современном обществе, поскольку образное восприятие действительности апеллирует к символам.

Историография и изученность темы. Значительный вклад в изучение верований и шаманизма якутов в разное время внесли следующие исследователи. Ко второй половине XIX – началу XX в. относятся работы И.А. Худякова, В.Л. Серошевского, В.Ф. Трощанского¹. В них авторы приводят обильный фактический материал и пытаются его проанализировать. В. Л. Серошевский усматривал в шаманстве культ, связанный с родовой организацией, в котором поверья, обряды и приёмы систематизированы. Главной особенностью шаманизма, по мнению В.Ф. Трощанского, являлось наличие этико-онтологического дуализма, что обуславливало наличие двух культов и двух родов жрецов – белых и чёрных шаманов.

---

¹ Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969. 437 с.; Серошевский В.Л. Якуты : опыт этнографического исследования. М., 1993. 713 с.; Трощанский В.Ф. Эволюция чёрной веры (шаманства) у якутов. Казань, 1903. 185 с.

В послереволюционный период появляются труды представителей якутской национальной интеллигенции, посвященные изучению якутской культуры. В частности, А.Е. Кулаковский² систематизировал сведения о верованиях якутов и представил подробное развернутое описание религиозной картины мира якутского народа. Исключительное значение для нашей темы имеют изданные в 1920 – 1930-е гг. труды всемирно известного якутского ученого-этнографа Г.В. Ксенофонтова³. В них акцент был сделан на особенностях шаманизма как религиозной системы, характерной для скотоводческих народов Азии. Работы Г.В. Ксенофонтова превратились в основной источник информации по шаманским практикам Восточной Сибири для других исследователей шаманизма.

Вторая половина XX века отмечена появлением аналитических работ, посвященных якутскому шаманизму. Образцом системного анализа традиционных форм религии якутов для нашего исследования послужили работы известного советского и российского этнографа Н.А. Алексеева⁴. В них проведено сравнительное исследование по шаманизму у тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Якутии, обобщены сведения по ранним религиозным верованиям якутов, но сопоставление указанных форм не входило в задачи исследования. Ученый-религиовед и этнограф Т.В. Жеребина⁵, изучая особенности якутского шаманства, пришла к выводу о том, что его амбивалентность обусловлена спецификой скотоводческого хозяйства, присущей различным этническим компонентам, вошедшим в состав якутов.

Большую теоретическую значимость для диссертационного исследования имеет работа Е.С. Новик⁶, в которой выделены элементы синтагматической структуры, являющиеся общими для нешаманских и шаманских обрядов аборигенного населения Сибири, в том числе и якутов.

---

² Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск, 1979. 483 с.

³ Ксенофонтов Г.В. Шаманизм : избранные труды. Якутск, 1992. 318 с.

⁴ Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск, 1975. 200 с.; Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. 233 с.

⁵ Жеребина Т.В. К вопросу о «белом» и «черном» шаманстве у якутов // Религия первобытного общества в свете современных данных. Л., 1984. С.86-97.

⁶ Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме : опыт сопоставления структур. М., 1984. 304 с.

Отметим и работы фольклориста Г.У. Эргиса⁷, который собрал и перевел на русский язык большой комплекс преданий о ритуальной практике якутских шаманов.

Таким образом, в большинстве работ шаманизм рассматривался в контексте описания традиционной культуры якутов, либо традиционного мировоззрения. Однако связи якутского шаманизма с архаичными системами обрядов и мифологии до настоящего времени не составляли темы специального исследования. Анализу работ, в той или иной мере затрагивающих данную проблему, посвящена первая глава.

Объект исследования – якутский шаманизм.

Предмет исследования – мифоритуальный комплекс в якутском шаманизме.

Цель исследования – проследить формирование и функции символических структур в якутском шаманизме на основе их сопоставления с вторичными знаковыми системами в архаичных религиозных формах.

Исследование направлено на выявление особенностей применения мифов и ритуалов в якутском шаманизме

Задачи исследования:

- Рассмотреть научные подходы к определению сущности шаманских практик и их соотношения с архаичными символическими образованиями.
- Выявить генезис и пути эволюции взглядов, представлений, образов и сюжетов, присутствующих в якутском шаманизме.
- Исследовать семантические параметры символов, содержащихся в мифологии и ритуалах якутского шаманизма;
- Исследовать развитие социальных функций обрядов и мифологии, образующих структуры якутского шаманизма.

Хронологические рамки – вторая половина XIX – первая треть XX в. Именно к этому периоду относится комплекс источников, включающий в себя опубликованные и неопубликованные материалы.

---

⁷ Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974. 402 с.

Территориальные рамки – районы Центральной Якутии, Вилюя и Верхоянья. С этими районами были связаны места компактного проживания якутов, и соответственно в них лучше сохранились этнические традиции, в том числе и в области шаманизма.

Источниковедческая база. Диссертационная работа основана на неопубликованных источниках и материалах научных публикаций по этнографии, мифологии, религии. Большое внимание уделено архивным материалам. В исследовании использованы материалы из рукописного фонда архива Якутского научного центра СО РАН. Основную часть использованных материалов составили записи Г.В. Ксенофонтова и А.А. Саввина. При работе над текстами особое внимание уделялось их переводу и интерпретации. В процессе этой работы диссертант постарался максимально точно отразить в переводе содержание авторских текстов.

Из опубликованных материалов в диссертации использованы научные публикации фольклорных материалов (мифов, легенд, эпоса), данные словаря Э.К. Пекарского, издания по этнографии и религии якутов и других народов Сибири и Дальнего Востока.

Методологическая база и методика исследования. Методологической базой исследования послужили фундаментальные труды в области этнологии, социальной антропологии, философии и религиоведения. Наибольшую ценность для диссертации имели идеи о коммуникативной природе религиозных институтов, проецировании общественных установок на окружающий мир, структуре символических образований содержащиеся в работах К. Леви-Строса⁸, В. Тэрнера⁹, Е.С. Новик.

В диссертации использованы теоретические разработки по субстанциональной характеристике шаманизма В.Г. Богораза (психологическая концепция), Л.Я. Штернберга¹⁰ (сексуальный монизм), М. Элиаде¹¹ (техника

---

⁸ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. 384 с.

⁹ Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. 277 с.

¹⁰ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л, 1936. 572 с.

¹¹ Элиаде М. Шаманизм : архаические техники экстаза. Киев, 1998. 384 с.

экстаза), С.А. Токарева¹² (особая форма общения с духами), В.Н. Басилова¹³ (идея посредничества между человеческим коллективом и духами), Е.В. Ревуненковой¹⁴ (форма контакта с тремя мирами), Т.Д. Булгаковой¹⁵ (когнитивно-аксиологический подход).

В процессе исследования мифологической семантики ритуальных комплексов якутского шаманизма учитывались методологические и теоретические установки К. Леви-Строса, В. Тэрнера, Л.П. Потапова¹⁶, Т.М. Михайлова¹⁷, Н.А. Алексеева, А.В. Смоляк¹⁸, Т.В. Жеребиной о специфике первобытного/мифологического мышления, о семантических параметрах символа, о сути и функциях ритуала. Для освещения процессов институционализации шаманизма большую значимость имел опыт анализа архаичных символических структур А.Ф. Лосевым, К. Клакхоном, Е.А. Мелетинским¹⁹.

В силу характера проблемы и комплексности материала в диссертации используется совокупность методов, выработанных разными гуманитарными науками. В основе исследования лежит метод историзма, позволяющий рассматривать явления культуры как динамичный процесс взаимодействия практики жизнеобеспечения и идеологических установок. Это дает возможность выявлять синхронно-диахронные информационные связи в традиционном быту и мировоззрении. Системный анализ применяется при исследовании архаичных символических систем воспроизведения социальных установок. При реконструкции семантических параметров ритуальных символов якутского шаманизма используется структурно-семантический

---

¹² Токарев С.А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 662 с.

¹³ Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. 328 с.

¹⁴ Ревуненкова Е.В. Народы Малайзии и Западной Индонезии : (некоторые аспекты духов. культуры) М., 1980. 274 с.

¹⁵ Булгакова Т.Д. Познание, ценностная ориентация и проектирование в шаманской практике // Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2001. Вып. 6. С. 5-18.

¹⁶ Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 319 с.

¹⁷ Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма : (с древнейших времён по XVIII в.) Новосибирск, 1980. 319 с.

¹⁸ Смоляк А.В. Шаман : личность, функции, мировоззрение : (народы Нижнего Амура). М., 1991. 280 с.

¹⁹ Лосев А.Ф. Античная мифология в её историческом развитии М., 1957. 620 с.; Клакхон К. Мифы и обряды : общ. теория // Обрядовая теория мифа : сб. науч. трудов. СПб., 2003. С.157-176.; Мелетинский Е.А. Палеоазиатский мифологический эпос : цикл ворона. М., 1979. 230 с.

анализ. Историко-генетический метод применяется для выявления отношений преемственности между архаичными коллективными обрядами, с одной стороны, и шаманскими ритуалами якутов, с другой. Для выяснения значения тех или иных элементов (знаки, действия, мифы, священнослужители) в якутском шаманизме привлекается сравнительный материал других культурных традиций. Иконографический метод привлекается для анализа контекстов применения разных видов невербального языка (ритуальных поз, жестов, мимических выражений) в якутской культуре.

Научная новизна. В диссертации впервые прослежены отношения преемственности между архаичными коллективными обрядами, с одной стороны, и шаманскими ритуалами якутов, с другой. Выявляются типичные черты, определяющие структурное и идейное сходство шаманских ритуалов и архаичных коллективных обрядов. Впервые реконструируются процессы преобразования архаичных коллективных обрядов в индивидуально исполняемые импровизированные ритуалы якутских шаманов. На основе выявления структурного и тематического сходства архаичных и шаманских знаковых систем устанавливается последовательность развития форм символического регулирования социального поведения. Устанавливаются способы символического отражения действительности, бытовавшие в архаичной культуре, черты которых обнаруживаются в шаманских практиках якутов.

Впервые выявляются социологические значения ритуальных символов в якутском шаманизме. Раскрываются контексты применения символов в ритуальном процессе решения актуальных проблем. Вносится корректировка в определение феномена шаманизма. Шаманизм рассматривается как символическая система социального регулирования в рамках определённых культурно-исторических форм социальной организации, механизмы которой приводятся в действие особым культовым деятелем, сосредоточившим в своих руках функции исполнения ритуала и демонстрирующим процесс разрешения

актуальных проблем. Устанавливаются диалектические связи между социальными процессами и изменениями в мифоритуальной традиции якутов.

Практическая значимость работы. Результаты настоящего исследования вошли в методические пособия и программы курсов лекций, разработанных и используемых автором для студентов Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова и Якутского филиала Дальневосточного юридического института МВД РФ («Религиоведение», «Ранние формы религии народов Сибири»). Выводы, полученные в диссертации, могут быть использованы республиканскими и местными органами власти при разработке концепции национальной политики и в сфере религиозной жизни. Основные положения диссертации могут служить методическими рекомендациями для работников сферы культуры при подготовке экспозиций и выставок, проведении национальных праздников и фестивалей.

Апробация. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на различных конференциях: межвузовской научной конференции, посвящённой международному году коренных народов «Региональные особенности межнациональных отношений» (Якутск, 1993); республиканских научно-практических конференциях молодых ученых и специалистов «Молодежь и наука Республики Саха (Якутия)» (Якутск, 1995-1998); научной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей историко-юридического факультета ЯГУ, посвящённой 100-летию со дня рождения М.К. Аммосова «Якутия должна познать себя» (Якутск, 1997); республиканских научно-практических конференциях «Гумилевские чтения» (Якутск, 1996, 1997, 1999); республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Шаг в будущее» (Якутск, 1998); республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Лаврентьевские чтения» (Якутск, 1999). Основные положения, представленные в диссертационной работе, отражены в восьми публикациях автора, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, посвященных историографии проблемы, связям между архаичными и шаманскими символическими системами, институционализации шаманских практик у якутов, заключения, списка использованных источников и литературы. В структуру глав включены также схемы и таблицы, обобщающие выводы автора о связях между архаичными и шаманскими знаковыми системами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность и новизна исследуемой темы, рассматривается степень научной разработанности проблемы. Также формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования, определяется корпус источников, выделяются приемы и методы исследования.

Первая глава «Историография вопроса» посвящена определению степени научной разработанности вопроса о соотношении архаичных символических систем мифологии и ритуала с шаманизмом в целом и якутским шаманизмом в частности.

В *первом разделе* проводится анализ научных подходов к изучению феномена шаманизма как религиозной системы. Отмечается, что уже у первых ученых (Г.В. Миллер, И.Г. Георги), наблюдавших шаманские ритуалы, формируется восприятие данного явления как достаточно сложного религиозного комплекса, соединявшего специфические обрядовые формы с определенными схемами толкований. Автор указал, что специализированные этнографические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке начинают проводиться со второй половины XIX века. Скрупулёзное исследование культур малочисленных народов такими учеными, как И.А. Худяков, В.И. Вербицкий, А.В. Анохин, В. Л. Серошевский, Г.Н. Потанин стало основой для систематизации различных культурных элементов, в том числе и шаманизма, выявления закономерностей их возникновения и развития.

Автор отмечает, что в начале XX века в трудах В.М. Михайловского, В.Ф. Троцанского, В.Г. Богораза была реализована тенденция обобщения и систематизации накопленного на протяжении предыдущего времени этнографического материала. Большой интерес представляет психологическая концепция В.Г. Богораза²⁰, акцентирующая внимание на технике личностного погружения в непосредственные мистические переживания как на наиболее существенном признаке шаманизма. Диссертант констатирует, что психологическая концепция в различных вариантах повторяется во многих работах, например у Г.В. Ксенофонтова, Д.К. Зеленина, М. Элиадэ и выделяет в ней следующие положения: 1) социальная ценность техники экстаза в архаичных обществах; 2) ее трактовка как сублимации, пограничного состояния между нормой и патологией; 3) особенности ритуального поведения как результат рефлексии, базирующейся на сопоставлении человека и животного, что обусловлено спецификой хозяйственной деятельности, связанной с охотой или скотоводством.

Автор отмечает, что во второй половине XX века большое внимание исследователей уделяется конкретизации понятий шаманизма и шаманства, определению места данного явления в структуре ранних форм религии, обнаружению его региональной и этнической специфики. Большинство исследователей данного периода, сходится во мнении о том, что шаманские практики использовали существующие комплексы анимистических представлений, привнося специфический элемент в обрядовую деятельность. Особую точку зрения мы обнаруживаем у С.А. Токарева, предположившего, что анимистические образы, присутствующие в шаманских обрядах, являются олицетворением нервно-паталогических состояний самих шаманов.

Другая концепция, представленная в работах Е.С. Новик, предлагает перевести рассмотрение вопроса о соотношении нешаманских и шаманских ритуалов из диахронного плана в синхронный. Сюжеты шаманских камланий,

---

²⁰ Богораз В.Г. К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии // Этнограф. обозрение. 1910. Кн. LXXXIV-LXXXV. № 1-2. С. 1-36.

равно как и мифы, выросли непосредственно из коммуникативной деятельности. Шаманы имели статус лиц, функцией которых было обслуживание механизмов социального регулирования, заложенных в специфичных обрядах камлания. Тезис о коммуникативной функции шаманских действий разделяется авторитетными исследователями – В.Н. Басиловым, Е.В. Ревуненковой, А.В. Смоляк, Т.Д. Булгаковой.

Ученые, рассматривавшие шаманизм в контексте его социальной функции, указали, что в основе коммуникативной деятельности шаманов лежит идея обмена ценностями между субъектом (индивидом или группой) и объектом (природой), которая используется для повышения эффективности взаимодействия внутри социума.

Советские ученые, исследовавшие региональную и этническую специфику шаманизма в Южной и Восточной Сибири (Л.П. Потапов, Н.А. Алексеев, Т.М. Михайлов), обосновали гипотезу о содержании шаманских практик как сложных и стереотипных формах отправления культа, символических действиях, содержащих элементы драматургии. На основе исследования культовых форм и комплекса верований тюркских и монгольских этнических групп представители данного направления обнаружили взаимосвязь между возникновением шаманских практик и социальными процессами сегментации этнических сообществ региона.

Во *втором разделе* рассматривается степень научной разработанности проблемы соотношения архаичных и шаманских знаковых систем в якутской культуре. Автор отмечает, что специфика якутского шаманизма, состоящая в функционировании двух групп культовых деятелей, подчеркнута разделением статусов шаманов и мирян, разнообразии ритуальных форм, менее выраженных религиозных заимствованиях из мировых и национальных религий, чем у других тюрко-монгольских этносов, была выделена уже первыми учеными, наблюдавшими шаманские ритуалы якутов в XVIII веке.

Автор отмечает, что научная деятельность представителей политической ссылки второй половины XIX – начала XX века наложила глубокий отпечаток

на развитие интеллектуальной традиции в якутской среде. Так, на связь между функционированием двух групп якутских шаманов и процессом культовой сегментации, обращает внимание представитель якутской национальной интеллигенции А.Е. Кулаковский. Работы якутского учёного-этнографа Г.В. Ксенофонтова стали информационной базой по шаманизму аборигенов Восточной Сибири. Якутские фольклористы С.И. Боло²¹ и Г.У. Эргис собрали и опубликовали фольклорные материалы, которые дают возможность проанализировать специфику шаманства в центральной Якутии, обнаружить его отличия от шаманства северных якутов, определить социальную роль шамана в якутском обществе, содержат ценные сведения о ритуальной практике шаманов, их функциях, атрибутике, особом языке шаманских камланий.

В 60-70-х годах прошлого века большую работу по изучению шаманской атрибутики аборигенов Сибири, в том числе якутов, провела ученый-этнограф из Ленинграда Е.Д. Прокофьева²². Изучая отдельные элементы атрибутивного комплекса, исследователь отметила, что шаманский кафтан центральных якутов относится к группе шаманских кафтанов, характерных для тюркоязычных народов Южной Сибири, а у северных якутов встречается типично эвенкийский покрой шаманских кафтанов. Отмечается также то, что в некоторых вариантах значение шаманского костюма якутов совпадает со значением шаманского костюма у селькупов и долган. Н.А. Алексеев, автор работы «Традиционные религиозные верования якутов в XIX-начале XX века», отметил некоторые специфические черты якутского шаманизма, указывающие на культурные связи якутов с другими этническими группами Восточной Сибири, Дальнего Востока и сопредельных регионов.

Вторая глава «Отношения преемственности между архаичными символическими системами воспроизведения социальных установок и якутским шаманизмом» посвящена выявлению базовых механизмов

---

²¹ Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену : (по преданиям якутов бывшего Якутского округа). Якутск, 1994. 352 с.

²² Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX века : сб. ст. Л., 1971. С. 5-100.

символического регулирования социального поведения, лежащих в основе шаманских практик якутов.

В разделе «Апотропейные процедуры» рассматривается проблема соотношения древних обрядов овладения пространством и ритуалов якутского шаманизма. Символика пространственных моделей в шаманизме восходит к древнейшим религиозным символам (очаг, жилое помещение, родовые и семейные святыни группы). Построение священного пространства в шаманизме разворачивалось по тому же ритуальному сценарию, что и в стадильно более ранних нешаманских обрядах. Оно начиналось с процедур маркировки исходной позиции. Моление духу священного огня ‘Уот иччитин алгыыса’ составляло автономную часть шаманской мистерии у якутов и могло исполняться в зачине и завершении камлания. Сценическое действие шаманского камлания у якутов изображало пространство жилого помещения как зону контакта между людьми и духами. Конструкция жилища, согласно эпической традиции якутов, лежала в основе устройства окружающего мира. В шаманских камланиях якутов стороны жилого помещения не только маркировали направления света, но и рассматривались в качестве каналов для проникновения внешних сил. Процедуры обретения операционных средств, включавшие инсценировку сбора шаманских духов-помощников, были сопряжены с перемещением шамана по юрте для приема с разных направлений прибывавших духов. Архаичные апотропейные ритуалы аборигенов Сибири включали процедуры обращения и принесения даров конструкционным элементам жилого комплекса.

В якутском шаманизме также ритуальный коврик-олбох и бубен маркировали область упорядоченного пространства. Акт возложения ритуального коврика был структурным элементом процедур построения композиции камлания и имел космогонический прототип. Представление о шкуре как прототипе священного пространства обнаруживается в мифологии многих народов таежно-тундровой зоны Евразии. Воссев на олбохе, якутский шаман брал в руки бубен-дюнгюр, ударный мембранный инструмент, в

котором так же были воплощены представления об окружающем мире, движении времени и динамической взаимосвязи всех объектов и явлений окружающего мира. Шаманский бубен соединял в себе символические значения объектов, относящихся к культу родовых и семейных святынь и покровителей.

Процедуры сакрализации в якутском шаманизме были направлены не только на сегменты пространства, но и на самого человека. Шаманский статус посредника между сообществами создавал предпосылки для соединения в его образе признаков двух совокупностей – мирской и сакральной, и включал атрибуты костюма, являвшиеся знаками священного космоса в архаичных символических системах. Костюм являлся схемой построения мироздания, его моделью-потенцией и ритуал облачения в него имел значение восстановления нарушенных в космосе связей. В систему апотропейных процедур якутского шаманизма, связанных с архаичными обрядами, входило также обращение шамана к женскому олицетворению освоенной территории. Обращение к хозяйке родной земли во вступительной части камлания во вступительной части камлания было связано с фиксированием исходной позиции шамана, от которой он начинал свое мистическое путешествие в мир духов. Обращаясь к хозяйке родной земли, якутский шаман стремился использовать ее потенциал как защитное средство против действия вредоносных сил. Традиция обращений к женскому олицетворению освоенной территории в якутском шаманизме имеет параллели в ритуальной практике шаманов этнических групп таежно-тундровой зоны и указывает на архаичные черты якутской культуры.

Раздел «Процедуры моделирования операционной зоны» посвящен анализу символических действий в архаичных и шаманских ритуалах, выражающих идею обмена значимыми ценностями. В якутском шаманизме для моделирования операционного пространства использовалась архаичная космологическая схема, присутствующая в мифологии аборигенов Сибири. Объекты, упорядочивающие пространство (гора, дерево, водоем), выступают осевыми точками ритуальной системы, так называемыми «доминантными

символами»²³. Изучение их семантических параметров открывает перспективу для установления отношений смежности между шаманскими ритуалами якутов и других этнических групп Сибири. Так, наибольшую близость к значениям символа дерева в шаманских ритуалах у якутов обнаруживают контексты символа дерева в преданиях о шаманах и ритуальной атрибутике тюркоязычных народов Алтая и эвенков. Значения и ритуальные контексты водных символов в шаманизме якутов демонстрирует близость к таковым в архаичной системе обрядов и мифологии кетов, юкагиров и самодийских народов.

Процедуры оперирования с внешними объектами были связаны в символических действиях с выделением значения активной позиции субъекта. В ритуальной системе шаманизма с их помощью демонстрировался процесс решения проблемных ситуаций и они были эксплицитно связаны с идеей перемещения. Ритуал перемещения в операционную зону представлял собой драматическую мистерию, в которой воспроизводилась модель космизованного пространства, выступавшего зоной обращения ценностей и обыгрывались ситуации взаимодействия. К его особенностям можно отнести: 1) детализированное моделирование зоны контакта со сверхъестественными партнерами; 2) драматическое исполнение, сопровождавшее разворачивание сюжетной линии; 3) использование шаманом операционных средств – материальных (атрибуты) и виртуальных (духи-покровители и духи-помощники); 4) ориентированность на символические объекты, образы которых были связаны с представлениями об упорядоченном пространстве.

В третьей главе «Связи якутского шаманизма с символическими системами, отражающими процессы производственной и ритуальной специализации» рассматриваются проблемы институционализации шаманизма. Диссертант, на основе анализа материалов по этнографии якутов и других этнических групп Сибири, выявляет социальные и идеологические

---

²³ Понятие доминантного символа введено в научный оборот Виктором Тэрнером (См. Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 36).

предпосылки, которые привели к формированию специализированных форм обрядовой деятельности, сосредоточенной в сфере компетенции шаманов.

В разделе *«Становление и развитие символических способов выражения производственной и ритуальной специализации»* диссертант высказывает предположение о том, что истоки шаманизма в Сибири лежат в идеологии обществ, где промысловая присваивающая деятельность начала принимать специализированный и индивидуальный характер. С процессом формирования специализированных комплексов промыслового хозяйства было связано усиление влияния мужских филиаций, институционализация проявлений лидерства и сосредоточение руководства ритуалами в руках распорядителей. Средством реализации специализированной ритуальной деятельности было сценическое действие, возникающее в процессе игры священнослужителя перед публикой, в ходе которого он демонстрировал публике процесс 'добычи', или наоборот, 'удаления' объекта.

В шаманских практиках также нашло отражение другое направление символической деятельности, связанное с процессами специализации – посвятельные обряды, в которых выделялась граница между статусными позициями субъекта, потеря одной из которых маркировалась символами смерти, а приобретение другой обозначалась знаками рождения. Инициации привнесли новый элемент в содержательную часть ритуалов перехода – представление о мистическом путешествии человека, с которым отождествлялось особое нервно-психическое состояние, характерное для индивидов, проходящих инициационные испытания.

Идеологическое обоснование и общественное признание растущего авторитета промысловика-профессионала проявилось в развитии мифологии культурного героя. Сюжеты о деяниях культурного героя отражают те формы социального взаимодействия, которые обусловили появление обрядов переходного характера, где отчётливо проявляется мотив узурпации мужскими активами ритуальных функций в общине.

Отдельные сюжеты, символы и темы архаичной мифологии культурного героя представляют большой интерес для нашего исследования, поскольку они были связаны с каноническими сюжетами инициационных ритуалов якутского шаманизма. В комплексе древнейших мифов о культурном герое присутствуют сюжет о путешествии героя по реке и разрушении им запруды с рыбой, образ которой был связан с представлением о душе, мотивы добывания света или огня, погружения героя в нижний или водный мир. Главный персонаж демонстрирует медиумную природу посредника между мирами, совершает свои подвиги с помощью перевоплощений, трюков и хитрости, связанных с переменой пола, нарушением биологических и социальных норм (отделение головы, половых органов героя, организация потопа внутри жилища).

Диссертант привел аргументы в пользу тезиса о том, что шаманство представляет собой форму оптимизированной обрядовой деятельности, стадияльно относящуюся ко времени формирования специализированных типов присваивающей хозяйственной деятельности, а шаманизм, объединяющий ритуал и область его объяснения (экзегезис), представляет собой систему символического регулирования социального поведения, которая начала формироваться в данный период.

Автор убедительно показал, что связь якутского шаманизма с символическими способами выражения производственной и ритуальной специализации обуславливалась связями якутов с культурами аборигенов циркумполярной зоны Сибири. Шаманство самими якутами рассматривалось как ритуальная практика, характерная, прежде всего для северных групп якутского населения.

В разделе *«Элементы якутского шаманизма, связанные с процессами специализации в сфере исполнения архаичных ритуалов»* выявляются элементы якутском шаманизме, указывающие на его связь с процессами формирования и развития специализированной ритуальной деятельности.

В сфере исполнения ритуалов преемственность между обрядами промыслового культа и шаманскими ритуалами якутов обнаруживается в

построении схемы оперирования с ценностями. Символизм перехода с маркировкой двух зон – внутренней и внешней, устанавливает отношения смежности между ритуалами промыслового культа и шаманскими мистериями. Использование изображений духов-покровителей и духов-помощников, указывает на практику применения операционных средств исполнителями ритуалов промыслового культа. Сходство между ритуалами промыслового культа и шаманскими обрядами подчеркивается также индивидуальным характером исполнения культовых действий. Индивидуальное исполнение ритуала с сопутствующим объяснением совершаемых действий, изображением ситуаций взаимодействия у якутов, были характерны для категории шаманов ‘абаасы ойууна’ – «шаманов духов абаасы» (досл. «шаманов абаасы»), которых еще называют «черными шаманами». В системе обрядов, относящихся к компетенции шаманов абаасы, имелись наиболее выразительные, «характерные» формы, среди которых можно выделить такие действия как шаманское посвящение, обретение священных атрибутов, камлание. Драматизированные и мифологизированные ритуалы посвящения шаманов абаасы, по-видимому, отражали характеристики инициаций архаичного общества.

Процесс сосредоточения культовых функций в сфере компетенции шаманов нашел отражение в символизме шаманских атрибутов. Привески облачения можно условно подразделить на две группы, где первая группа привесок изображала объекты вселенной (знаки матери-земли, дерева «рождения», солнца, месяца и «проруби»), а вторая представляла собой изображения операционных средств (изображения зооморфных, орнитоморфных и ихтиоморфных духов-помощников, костей скелета, перьев). Каждый из символов первой группы относился к знакам упорядоченного пространства, применяемым в архаичных групповых ритуалах.

Практически на каждом якутском шаманском костюме имелись антропоморфные фигурки ‘эмэгэт’, которые считались изображениями духа-покровителя шамана. Это же название относится и к изображениям духов,

вызывающих болезни, которые изготавливались из бересты, бумаги или гнилого дерева. Практика использования таких фигурок не входила в сферу шаманских ритуалов, и их использование генетически относится к культуре родовых и семейных святынь и покровителей.

Одним из любопытных контекстов реализации символических значений костюма в якутском шаманизме была практика ритуального травестизма. Эта практика, вероятно, указывает на то, что в прошлом отправлением отдельных обрядов у якутов было прерогативой женских филиаций. В компетенции женских групп находились ритуалы культа плодородия, обращенные к духу-хозяйке земли Аан Алахчин Хотун и богине плодородия и деторождения Айыысыт. Постепенно функции руководства обрядами, обращенными к этим божествам, сосредоточились в руках шамана божеств айыы (досл. «шамана айыы») – ‘айыы ойууна’. Традиция обращения к божествам женского пола, реализуемая в ритуалах шаманов айыы, предписывала использование элементов женской одежды.

Шаманские камлания у якутов, структурно и тематически сходны с сюжетами мифов о культурном герое. Тема, в которой раскрывается дихотомия ‘добычи-удаления’ ценности с помощью игрового взаимодействия, демонстрирует сходство структуры сюжетов шаманских камланий и мифов о культурном герое. В якутских легендах шаманской тематики обнаруживаются характерные для архаичных циклов мифологии культурного героя сюжеты, образы и символы.

В *Заключении* излагаются основные выводы исследования. Анализ базовых работ, посвященных изучению явления шаманизма, позволяет сделать вывод о том, что шаманская деятельность представляла собой один из механизмов социального регулирования в традиционных обществах. Шаманы применяли механизм рефлексивного управления, состоящий в том, что в процессе взаимодействия первый субъект совершает определенные действия для получения ожидаемых реакций со стороны второго субъекта с целью достижения желаемого результата.

Анализ якутского материала и традиций других этнических групп Сибири и Дальнего Востока, позволяет сделать вывод о том, что истоки шаманизма лежат в идеологии обществ, где промысловая присваивающая деятельность начала принимать специализированный и индивидуальный характер. Рассмотрение форм ритуальной деятельности, на основе которых развивались шаманские практики якутов, позволили сделать вывод о том, что они представляли собой оптимизированные формы, удовлетворяющие потребности традиционного общества.

Сопоставление шаманских практик якутов и других этнических сообществ региона дало возможность выделить особенности ритуальной деятельности и мифологии якутского шаманизма. Было внесено уточнение в положение об этнокультурных влияниях, обнаруживающих себя в функционировании двух групп якутских шаманов. Автор привел новые аргументы в пользу тезиса о присутствии в якутском черном шаманстве элементов, связанных с культурными влияниями народов циркумполярной зоны.

В структуре шаманского ритуала выделены образования, сложившиеся на основе более архаичных символических знаковых систем. Автор показал, что в зачатке шаманского камлания проявляются черты древних обрядов овладения пространством.

Анализ символических действий в архаичных и шаманских ритуалах, выражающих идею обмена значимыми ценностями, позволил убедительно заявить о том, что в якутском шаманизме для моделирования операционного пространства использовалась архаичная космологическая схема. Изучение семантических параметров отдельных доминантных символов схемы операционного пространства позволило установить некоторые параллели между шаманскими ритуалами якутов и других этносов Сибири.

Изучение структуры якутских шаманских ритуалов выявило наличие отношений преемственности между ними и обрядами промыслового культа, что обнаруживается в построении схемы оперирования с ценностями. Установлена связь шаманских практик якутов с посвятельными обрядами.

Было выявлено тематическое и структурное сходство шаманских ритуалов якутов с сюжетами мифов о культурном герое. Общими чертами этих образований, по мнению автора, являются: конструирование процесса обращения ценностей как коммуникативного, включающего формы игрового взаимодействия; выделение субъекта, представляющего все общество в образе «обобщенного человека»; реализация темы мистического путешествия с моделированием операционной зоны.

Анализ сюжетов архаичной мифологии, позволил выделить отдельные сюжетные линии, темы и образы, которые образуют символические структуры якутских шаманских ритуалов.

Основное содержание исследования отражено в следующих публикациях:

В изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований:

1. *Слепцов, Е.П.* Связь атрибутики шаманского облачения якутов с символикой архаичных обрядов / Е.П. Слепцов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 21(51) : Аспирантские тетради : научный журнал. – СПб., 2007. – С. 94-98 (0,27 п.л.).

2. *Слепцов, Е.П.* Образ дерева в шаманстве якутов / Е.П. Слепцов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 12 (86) : Общественные и гуманитарные науки : научный журнал. – СПб., 2008. – С. 101-106 (0,4 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

3. *Слепцов, Е.П.* Генезис шаманистического мировоззрения в Сибири / Е.П. Слепцов // Региональные особенности межнациональных отношений : материалы межвузовской научной конференции, посвящённой международному году коренных народов (Якутск, 24 декабря 1993 г.). – Якутск, 1994. – С. 161-163 (0,11 п.л.).

4. *Слепцов, Е.П.* Реликтовый пласт верований индоевропейского происхождения в якутском шаманизме / Е.П. Слепцов // Молодёжь и наука Республики Саха (Якутия) : тезисы докладов республиканской научно-практической конференции молодых учёных и специалистов (Якутск, 5-6 декабря 1996 г.). – Якутск, 1996. – Ч. 3. – С. 56-57 (0,04 п.л.).

5. *Слепцов, Е.П.* Феноменология понятия «иччи» в религиозном мировоззрении якутов / Е.П. Слепцов; Актуальные проблемы социальных наук : сб. статей. – Якутск, 1998. – С. 6-11 : Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Депонированные научные работы. Раздел «История. Археология. Этнология». – 1999. – № 8. – Деп. в ИНИОН РАН 28.12.1998 г. № 54182 (0,21 п.л.).

6. *Слепцов, Е.П.* Морфология якутского посвятельного обряда / Е.П. Слепцов // Якутия должна познать себя : материалы научной конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей историко-юридического факультета ЯГУ, посвящённой 100-летию со дня рождения М.К. Аммосова (Якутск, 17 декабря 1997 г.). – Якутск, 2000. – С. 89-94 (0,22 п.л.).

7. *Слепцов, Е.П.* Рассуждение о генезисе сибирского шаманства / Е.П. Слепцов // Учёные записки Северо-Восточного гуманитарного института : ежегодный сборник. – Нерюнгри, 2005. – С. 284-285 (0,047 п.л.).

8. *Слепцов, Е.П.* Параллели между идеологией сибирского шаманизма и архаичной мифологией культурного героя (на якутском материале) / Е.П. Слепцов // Наука и образование. – Якутск, 2007. – № 3 (47). – С. 123-126 (0,24 п.л.).

Тираж 100 экз.
Отпечатано в КЦ «Позитив»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а